

ПОНЯТИЕ СМЫСЛА ЖИЗНИ И СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ПАРАДИГМ

к. псих. н. Абдулгалимова С.А.

НОУ ВПО «Социально-педагогический институт», г. Дербент

*В статье рассматриваются вопросы понятия смысла жизни и смысло-
жизненных парадигм, как одних из основных категорий психологии.*

*Ключевые слова: смысл жизни, парадигма, сублимация, экзистенциаль-
ная тревога, теория интерпретации*

Понятие смысла жизни и смысложизненных парадигм пришло в психологию из донаучных попыток объяснения человеческого поведения, основывающихся на здравом смысле и обыденном сознании. Поэтому многие авторы и целые научные школы используют это понятие не терминологически, давая ему определение не в соответствии с принципами научной терминологии, а в его житейском словоупотреблении, хотя в них понятие смысла может занимать весьма важное место (например, в теории К. Роджерса).

Первой системой научной психологии, обратившейся к понятию смысла для объяснения поведения человека, стал психоанализ. В работах З. Фрейда мы впервые встречаемся с понятием смысла, включенным в ряд объяснительных понятий научной психологии [13]. Однако здесь Д. А. Леонтьев делает оговорку о «двух теориях» Фрейда – клинической теории и метапсихологии, согласованность между которыми оставляет желать лучшего. Фрейд разработал таксономию смыслов личностных отношений. При этом о смысле жизни он высказался однажды: «...когда кто-то постоянно думает о смысле жизни, он болен. Философствование по поводу смысла жизни - всего лишь благоприятная форма сублимации» [21]. Однако постепенно создававшаяся метапсихологическая теория психоанализа вступила в противоречие с объяснением в терминах смыслов, заменив его объяснением в терминах энергий, сил, меха-

низмов и физических аналогий. Ситуацию «двух теорий» весьма точно охарактеризовал П. Рикёр: «С одной стороны, Фрейд действительно создал свою теорию интерпретации в противовес физикализму и биологизму, господствовавшим в психологии. Интерпретация полностью принадлежит сфере смысла и *содержит* в себе отношения силы (вытеснение, возврат вытесненного) только как отношения смысла (цензура, маскировка, сгущение, перемещение); отныне ничто так не требуется от Фрейда, как преодолеть ослепленность *фактом* и признать универсум *смысла*. Но Фрейд продолжает вписывать все сделанные им открытия в рамки позитивизма, чем сводит их на нет...»[16].

Первое альтернативное по отношению к фрейдовскому развернутое понимание смысла сформулировано в работах Альфреда Адлера [3]. Если Фрейд и его последователи искали истоки смысла в прошлой истории жизни личности, то Адлер связывает поведенческие смыслы со смыслом всей жизни личности, с её жизненным стилем, жизненным планом. Смысл жизни у Адлера первичен по отношению к смыслам отдельных действий, он связывает смысл жизни со своими представлениями о трех фундаментальных жизненных проблемах, вытекающих из трех аспектов человеческого бытия («трех «связей»): факт жизни человека на Земле порождает проблему труда и профессионального самоопределения; факт жизни человека в обществе порождает проблему межличностных отношений, кооперации и дружбы; факт существования двух полов порождает проблему отношений между ними, любви и брака. Смысл жизни, по Адлеру, определяется этими тремя связями, заключен в них и правильное решение трех жизненных проблем помогает нам найти его.

Положения, во многом близкие взглядам Адлера, содержатся в работах К.Г. Юнга. Юнг неоднократно обращался к проблеме смысла жизни, хотя это понятие нигде не выступало у него предметом систематического анализа. Юнг выдвигает положение о том, что люди стоят перед задачей обнаружить смысл, благодаря которому они вообще могут жить. Смысл жизни связан лишь с постановкой духовных или культурных целей, стремление к которым является необходимым условием душевного здоровья. «Чувство ширящегося смысла

существования выводит человека за пределы обыденного приобретения и потребления. Если он теряет этот смысл, то тотчас же делается жалким и потерянными» [25]. Для Юнга нахождение и реализация смысла жизни выступает как специфическая потребность и задача. Более того, он утверждает, что «... природа, в своей доброте и терпении, никогда не вкладывает фатальный вопрос о смысле их жизни в уста большинства людей. А там, где некому спрашивать, незачем отвечать» [26]. Введение Юнгом понятия «архетип», ставшего одним из центральных в его аналитической психологии, позволяет ему ответить на вопрос об источниках смысла жизни. «Формами придания смысла нам служат исторически возникшие категории, восходящие к туманной древности, в чем обычно не отдают себе отчета. Придавая смысл, мы пользуемся языковыми матрицами, происходящими, в свою очередь, от первоначальных образов» [25]. Юнг прямо называет архетипы и в особенности символы источниками, придающими смысл нашей жизни.

Серьезный анализ понятия «смысл жизни» проводит В. Франкл [19]. В своей работе «Человек в поисках смысла» он пишет о том, что в человеке заложена тенденция поиска «в своей жизни смысла и осуществления его». Это и есть то, что логотерапевтической теорией мотивации описывается понятие «стремление к смыслу». Смысл жизни, в русле логотерапевтической теории, представляет собой стремление к обретению универсальных ценностей. Исходя из этого переживание смысла составляет высшую ценность отношения. Здесь проявляется действие закона судьбы: человек, сталкивающийся с судьбой, принимает «тяготы жизни, как несет свой крест; проявляет мужество в страданиях, и достоинство, будучи приговорен и обречен». Жизнь человека полна смысла до самого конца: происходит обязательная реализация ценностей и определение степени ответственности. По мнению В. Франкла, в проблеме смысла жизни узловой является проблема ответственности человека за свою жизнь. Так, по его мнению, в социуме смысл превращается в унифицированный для миллионов людей стереотип, который все больше отрывается от реальной жизни и

подчиняется официальной идеологической задаче. Сказанное подчеркивает роль социальных факторов в самом процессе становления смысла жизни [20].

К.Хорни [22], напротив, утверждает, что концентрация на проблеме смыслообразования и смыслоназначения возникает у человека только тогда, когда возникают невротизирующие личность ситуации, а не характерна для здоровой личности.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в современной зарубежной психологии личности после работ А.Адлера и К.Г.Юнга проблема смысла жизни разрабатывалась в двух фактически независимых направлениях: первое трактовало *смысл как высшую интегративную основу личности*, а второе – *как структурный элемент сознания и деятельности* [13].

В отечественной психологической традиции проблема поиска смысла жизни разрабатывалась в основном в рамках изучения деятельностного подхода. Истоки современных представлений о смысле, как одной из основных категорий психологии, лежат в положении Л. С. Выготского о единстве аффективных и интеллектуальных процессов, которое образует динамические смысловые системы, являющиеся единицей исследования личности [9]. Этот вопрос тесно увязывается с процессом психического развития. По мнению Л. С. Выготского, «перестройка потребностей и побуждений, переоценка ценностей есть основной элемент при переходе от возраста к возрасту» [9, с. 227-228]. Наиболее плодотворным для исследования смысловой сферы человека явилось выдвинутое А.Н.Леонтьевым положение о том, что отношение мотива деятельности к цели является «личностным смыслом» [10]. Под «личностным смыслом» он понимает отражение в индивидуальном сознании действительности. «Личностный смысл» выступает психологическим механизмом регуляции поведения. Исходя из этого, определение смысла поступка по А.Н.Леонтьеву происходит через вхождение в «общий замысел» плана жизни человека. Смысл поступка возникает в реальной жизнедеятельности субъекта, отражая отношение целей и обстоятельств совершения действия к мотивам деятельности. В резуль-

тате чего происходит соотношение динамики мысли к динамике поведения [10] посредством смыслообразующего мотива [11].

Как подчеркивает Б.С.Братусь [7], ценность этого определения состоит в том, что смысл изучается не как определенная «вещь», а как отношение между «вещами», в данном случае – между мотивами и целями.

А.Н.Леонтьев в качестве важнейшего параметра личности выделяет «степень иерархированности деятельностей, их мотивов». Высокая степень иерархизации мотивов выражается в том, что человек все его действия как бы примеряет к главному для него мотиву, т.е. его жизненной цели. Это главный мотив ограничивается в одних случаях бессмысленными целями (к примеру, стяжательства или накопительства), в других «возвышается до истинно человеческого, не обособливает человека, а сливает его жизнь с жизнью людей, их благом». В последнем случае главные мотивы человека «способны создать внутреннюю психологическую оправданность его существования, которая составляет смысл и счастье жизни» [12].

Своеобразную преемственность этого тезиса представляют работы Л.И.Божович и ее сотрудников, которые изучают проблему устойчивости иерархии мотивационной сферы человека. Показано, что «устойчивость ей придают лишь те мотивы, которые связаны с новообразованиями, возникшими в процессе социального развития человека (мотивы, идущие от сознательно поставленной цели, убеждений и пр.)» [6]. Именно содержанием мотивов, занимающих в иерархии доминирующее положение (т.е. жизненных целей), определяется направленность личности.

Проблема роли сознания в становлении жизненного смысла рассматривается в работах С.Л.Рубинштейна. С его точки зрения существуют два основных способа существования человека и, соответственно, два отношения его к жизни. Первый способ определяется тем, что «человек весь внутри себя, всякое его отношение - это отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом» [17]. Второй способ обусловлен появлением рефлексии. Человек мысленно за-

нимает позицию вне жизни, выходит за ее пределы. «С появлением рефлексии связано философское осмысление жизни».

С.Л.Рубинштейн говорил о том, что смысловой анализ человеческого поведения выступает как путь раскрытия духовной жизни и существенно важен при определении того, что для человека значимо, что составляет историю душевной, духовной жизни человека. С этого момента «возникает проблема «ближнего» и «дальнего», проблема соотношения, взаимосвязи непосредственного отношения человека к окружающему его и осознанного отношения, опосредствованного через «дальнее». У человека формируется «обобщенное, итоговое отношение к жизни», в котором отражена взаимосвязь настоящего, прошлого и будущего в жизни человека. Это отношение позволяет реализовать смысл человеческой жизни – «быть центром превращения стихийных сил в силы сознательные», «быть преобразователем жизни», «непрерывно ее совершенствовать» [17]. При этом С.Л. Рубинштейн определяет смыслообразование как динамическую тенденцию в развитии личности [18].

Продолжают эту линию в отечественной психологии работы К.А. Абульхановой-Славской. Она считает, что для становления смысла жизни важное значение имеет выстраиваемая личностью «единая жизненная линия», проведение которой, по мнению К.А. Абульхановой-Славской, заключается в том, что «динамика жизни человека перестает быть случайным чередованием событий, она начинает зависеть от его активности, от способности организовать и придавать событиям желаемое направление» [1]. На высшем уровне личность «самоопределяется по отношению к ходу в жизни в целом». Анализируя ценностный аспект отношения человека к жизни в целом, автор подчеркивает, что «личностью разрешается противоречие, равное смыслу жизни, жизненно-мировоззренческого масштаба» [2].

К. Обуховский считает, что «фактором развития личности выступает ее постоянная активная устремленность в будущее, эмоционально окрашенная направленность на решение отдаленной, общественно-значимой задачи, выступающей смыслом жизни человека». Он полагает, что в критических ситуациях

возрастного развития «благополучный переход в новую фазу зависит от того, является ли жизнь реализацией основной направленности личности на далекую задачу - смысл жизни» [15].

Б.Г. Ананьев построение жизненной концепции определяет как «основную жизненную направленность» [4]. Изучая фазы жизненного пути, Б. Г. Ананьев показал, что их особенности определяются не только социальными факторами, но и смыслом жизни. С этих позиций он проанализировал так называемый «парадокс завершения человеческой жизни», суть которого в том, что «умирание» форм человеческого существования наступает нередко раньше, чем «физическое одряхление» от старости. В условиях социальной изоляции происходит ломка, сужение смысла жизни, что приводит к деградации личности. Научные знания о долгожителях подтверждают сохранность личности, когда человек сопротивляется условиям, благоприятствующим такой изоляции [5].

Значимыми в понимании проблемы смысла жизни являются положения В.Э. Чудновского о том, что «смысл жизни – не просто определенная идея, усвоенная или выработанная человеком, но особое психическое образование, которое имеет свою специфику возникновения, свои этапы становления и, приобретая относительную устойчивость и эмансипированность от породивших его условий, может существенно влиять на жизнь человека, его судьбу» [23]. Чудновский также выводит три характеристики смысла жизни: масштабность, инертность, а также динамика и иерархия смыслов [24]. Его последователи считают, что «смысл жизни можно рассматривать как своеобразный пульсар, внутренние взаимодействия, которые приводят к его сжатию и расширению, угасанию и возгоранию, сохранности ядра и перестройке оболочек» [8].

Таким образом, мы можем наблюдать как в рамках относительно единого методологического подхода (деятельностного подхода), на общем теоретическом фундаменте были разработаны весьма различные представления о смысловых парадигмах и смысловой сфере личности. То немногое, что род-

нит описанные нами весьма различные взгляды отечественных исследователей, это:

- отношение к категории смысла жизни, как к одному из наиболее важных понятий аналитической психологии;
- представление о становлении смысло-жизненных парадигм, как о важнейшем условии становления личности;
- представление о некой «спроецированности в будущее» смысло-жизненных установок, их влиянии на жизненный путь личности.

Утрата человеком смысла жизни порождает специфическую форму тревоги. В отличие от экзистенциальной тревоги судьбы и смерти, которая носит неустранимый, онтологический, характер, тревога «утраты смысла» имеет невротическую форму и связана с уходом от вопроса о смысле жизни. Д.А. Леонтьев выделяет два пути обретения смысла в жизни, при переживании бессмысленности и неудачи в самореализации: путь адаптации – приведение смысла своей жизни в соответствие с реальностями жизни, и путь самореализации – приведение жизни в соответствии со своим смыслом [14]. Личность, бегущая от вопроса о смысле жизни, является невротической и уязвимой. Проблема смысла жизни, его поиска, актуализируется в раннем юношеском возрасте, так как именно в это время происходит становление ценностно-смысловой сферы личности, а сам этот возраст является сензитивным по отношению к терминальным ценностям.

Литература:

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. Абульханова-Славская К. А. Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981.
3. Адлер А. Лекции по аналитической психологии. - М.: "Рефл-бук", "Ванлер", 1996.
4. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: В 2 т. - М.: Педагогика, 1980. Т.1.
5. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. - Л.: 1968.
6. Божович Л. И. К развитию аффективно-потребностной сферы человека // Проблемы

общей, возрастной и педагогической психологии. - М.: Педагогика, 1978.

7. Братусь Б. С. К изучению смысловой сферы личности // Вести МГУ, сер. 14, Психология, 1981, №2.

8. Вайзер Г. А. Смысл жизни и «двойной кризис» в жизни человека // Психологический журнал, 1998, Том 19, № 5.

9. Выготский Л.С. Мышление и речь. Собр. соч.; В 6-ти т. - т.5. - М., 1983.

10. Леонтьев А. Н. Философия психологии: из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 287 с.

11. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М, Политиздат, 1975.

12. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. - М., 1965.

13. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е испр. изд. - М.: Смысл, 2003. – 486 с.

14. Леонтьев Д.А. Методика предельных смыслов (методическое руководство) - М.: Смысл, 1999.

15. Обуховский К. Психологическая теория строения и развития личности // Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981

16. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. - М.: Академия-центр; Медиум, 1995. – 416 с.

17. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – М.: 1957.

18. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1976. - 416 с.

19. Франк С. Смысл жизни. // Антропология русской религиозной мысли. - М.: Прогресс, 1993.

20. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник. - М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

21. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Психология бессознательного / Сост. М.Г. Ярошевский. - М.: Просвещение, 1989.

22. Хорни К. Невротизация нашего общества. - М., 1991.

23. Чудновский В. Э. Смысл жизни: проблема относительной эмансипированности от «внешнего» и «внутреннего» // Психологический журнал. 1995. т. 16.

24. Чудновский В.Э. К проблеме соотношения «внешнего» и «внутреннего» в психологии // Психологический журнал. 1993, Т.14, №5.

25. Юнг К. Г. Архетип и символ. - М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.

26. Юнг К. Г. Сознание и бессознательное: Сборник / Пер с англ. - СПб.: Университетская книга, 1997. – 544 с.